

*Сказки
русских писателей*

Павел Петрович Бажов
Лев Николаевич Толстой
Александр Сергеевич Пушкин
Евгений Львович Шварц
Сказки русских писателей

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172959
Сказки русских писателей: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-19296-4*

Аннотация

В сказках заключена мудрость народа, сказки помогают понять самые сокровенные устремления народной души. Будь то Емеля, лежащий на печи, или богатырь, грудью прикрывший Родину от врага, – все это проявления национального духа. Лучшие русские писатели обращались к этому жанру. В книгу вошли следующие произведения:

Н.М. Карамзин Прекрасная царевна и щастливый карла.

В.А. Жуковский Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея Бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери.

А.С. Пушкин: Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди; Сказка о попе и о работнике его Балде; Сказка

о мертвой царевне и о семи богатырях; Сказка о рыбаке и рыбке;
Сказка о золотом петушке.

П.П. Ершов Конек-горбунок.

Антоний Погорельский Черная курица, или Подземные жители.

В.Ф. Одоевский: Мороз Иванович; Городок в табакерке;
Игоша.

С.Т. Аксаков Аленький цветочек.

В.И. Даль: Девочка Снегурочка; О дятле; У тебя у самого свой ум; Лучший певчий; Про мышь зубастую да про воробья богатого.

К.Д. Ушинский: Два плуга; Охотник до сказок; Не ладно скроен, да крепко шит; Лиса и козел; Плутишка кот В.М. Гаршин
Лягушка-путешественница.

Д.Н. Мамин-Сибиряк Аленушкины сказки.

Л.Н. Толстой: Три медведя; Праведный судья; Липунюшка;
Награда.

А.М. Горький: Воробьишко; Самовар; Случай с Евсейкой; Про Иванушку-дурачка.

П.П. Бажов: Медной горы Хозяйка; Малахитовая шкатулка;
Каменный цветок.

А.Н. Толстой: Сорока; Мышка; Еж; Лиса; Грибы; Муравей;
Петушки; Полкан; Воробей.

Е.Л. Шварц: Сказка о потерянном времени; Два брата.

Содержание

Н.М. Карамзин	5
В.А. Жуковский	21
А.С. Пушкин	39
Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди	39
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сказки русских писателей

Н.М. Карамзин

Прекрасная царевна и щастливый карла (*Старинная сказка, или Новая карикатура*)

О вы, некрасивые сыны человечества, безобразные творения шутливой Натуры! вы, которые ни в чем не можете служить образцом художнику, когда он хочет представить изящность человеческой формы! вы, которые жалуетесь на Природу и говорите, что она не дала вам способов нравиться и заградила для вас источник сладчайшего удовольствия в жизни – источник любви! не отчаивайтесь, друзья мои, и верьте, что вы еще можете быть любезными и любимыми; что услужливые Зефиры ныне или завтра могут принести к вам какую-нибудь прелестную Псишу, которая с восторгом бросится в объятия ваши и скажет, что нет ничего милее вас на свете. – Выслушайте следующую повесть.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был *царь добрый человек*, отец единыя дочери, царевны прекрасной, милой сердцу родителя, любезной всякому чувству-

тельному сердцу, редкой, несравненной. Когда *царь добрый человек*, одетый богатою багряницею, увенчанный венцом сафирорубинным, сидел на высоком троне среди народного множества и, держа в правой руке золотой скипетр, судил с правдою своих подданных; когда, вздыхая из глубины сердца, изрекал приговор должного наказания: тогда являлась *прекрасная царица*, смотрела прямо в глаза своему родителю, подымала белую руку свою, простирая ее к судящему – и пасмурное лицо правосудия вдруг озарялось солнцем милости – виновный, спасенный ею, клялся в душе своей быть с того времени добрым подданным царя доброго. Бедный ли приближался к царице? она помогала ему – печальный ли проливал слезы? она утешала его. Все сироты в пространной области *царя доброго человека* называли ее матерью; и даже те, которых сама *Натура* угнетала – несчастные, лишённые здоровья, – облегалась ее целительною рукою: ибо царица совершенно знала науку врачевания, тайные силы трав и минералов, рос небесных и ключей подземных. Такова была душа царицы. Телесную красоту ее описывали все стихотворцы тогдашних времен как лучшее произведение искусной *Природы* – а стихотворцы были тогда не такие льстецы, как ныне; не называли они черного белым, карлы великаном и безобразия примером стройности. В древнем книгохранилище удалось мне найти одно из сих описаний – вот верный перевод его:

«Не так приятна полная луна, восходящая на небе между

бесчисленными звездами, как приятна наша милая царевна, гуляющая по зеленым лугам с подругами своими; не так прекрасно сияют лучи светлого месяца, посребряя волнистые края седых облаков ночи, как сияют золотые волосы на плечах ее; ходит она, как гордый лебедь, как любимая дочь неба; лазурь эфирная, на которой блистает звезда любви, звезда вечерняя, есть образ несравненных глаз ее; тонкие брови, как радуги, изгибаются над ними; щеки ее подобны белым лилиям, когда утренняя заря красит их алым цветом своим; когда же отверзаются нежные уста *прекрасной царевны*, два ряда чистейших жемчужин прельщают зрение; два холмика, вечным туманом покрытые... Но кто опишет все красоты ее?»

Крылатая богиня, называемая Славою, была и в те времена так же словоохотна, как ныне. Летая по всей подсолнечной, она рассказывала чудеса о *прекрасной царевне* и не могла об ней наговориться. Из-за тридевяти земель приезжали царевичи видеть красоту ее – разбивали высокие шатры перед каменным дворцом *царя доброго человека* и приходили к нему с поклоном. Он знал причину их посещения и радовался сердечно, желая достойного супруга милой своей дочери. Они видели *прекрасную царевну* и воспламенялись любовью. Каждый из них говорил *царю доброму человеку*: «*Царь добрый человек!* Я приехал из-за тридевяти земель, тридесятого царства; отец мой владеет народом бесчисленным, землю прекрасною; высоки терема наши: в них сияет серебро и золото, отливают разноцветные бархаты – царь!

отдай за меня дочь свою!» – Ищи любви ее! – отвечал он, и все царевичи оставались во дворце его; пили и ели за столом дубовым, за скатертью *бранною*, вместе с царем и с царевною. Каждый из них смотрел умильными глазами на прекрасную и взорами своими говорил весьма ясно: Царевна, полюби меня! Надобно знать, что любовники были в старину робки и стыдливы, как красные девушки, и не смели словесно изъясняться с владычицами сердец своих. В наши времена они гораздо смелее; но зато красноречие взоров потеряло ныне почти всю силу. Обожатели *прекрасной царевны* употребляли еще другой способ к изъяснению своей страсти – способ, который также вышел у нас из моды. А именно, всякую ночь ходили они под окно царевнина терема; играли на бандурах и пели тихим голосом жалобные песни, сочиненные стихотворцами их земель; каждый куплет заключался глубокими вздохами, которые и каменное сердце могли бы тронуть и размягчить до слез. Когда пять, шесть, десять, двадцать любовников сходились там в одно время, тогда они бросали жеребей, кому петь прежде, и всякий в свою очередь начинал воспевать сердечную муку; другие же, поджав руки, ходили взад и вперед и посматривали на окно царевнино, которое однако ж ни для кого из них не отворялось. Потом все они возвращались в свои шатры и в глубоком сне забывали любовное горе.

Таким образом проходили дни, недели и месяцы. *Прекрасная царевна* взглядывала на того и на другого, на тре-

тьего и на четвертого – но в глазах ее не видно было ничего, кроме холодного равнодушия к женихам ее, царевичам и королевичам. Наконец все они приступили к *царю доброму человеку* и требовали единодушно, чтобы прекрасная дочь его объявила торжественно, кто из них нравен сердцу ее. «Довольно прожили мы в каменном дворце твоём, – говорили они, – поели хлеба-соли твоей и меду сладкого не одну бочку опорожнили; время возвратиться нам в свои страны, к отцам, матерям и родным сестрам. *Царь добрый человек!* мы хотим ведать, кто из нас будет зятем твоим». Царь отвечал им сими словами: «Любезные гости! если бы вы и несколько лет прожили во дворце моем, то, конечно бы, не наскучили хозяину; но не хочу удерживать вас против воли вашей и пойду теперь же к царице. Не могу ни в чем принуждать ее; но кого она выберет, тот получит за нею в приданое все царство мое и будет моим сыном и наследником». – Царь пошел в терем к дочери своей. Она сидела за пяльцами и шила золотом; но, увидев родителя, встала и поцеловала руку его. Он сел подле нее и сказал ей словами ласковыми: «Милая, разумная дочь моя, *прекрасная царица!* ты знаешь, что у меня нет детей, кроме тебя, света очей моих; род наш должен царствовать и в будущие веки: пора тебе о женихе думать. Давно живут у нас царицы и прельщаются красотой твоею: выбери из них супруга, дочь моя, и утешь отца своего!» – Царица долго сидела в молчании, потупив в землю голубые глаза свои; наконец подняла их и устремила на родителя –

тут две блестящие слезы скатились с алых щек ее, подобно двум дождевым каплям, свеваемым с розы дуновением зефира. «Любезный родитель мой! – сказала она нежным голосом, – будет мне время горевать замужем. Ах! и птички любят волю, а замужняя женщина не имеет ее. Теперь я живу и радуюсь; нет у меня ни забот, ни печали; думаю только о том, чтобы угодать моему родителю. Не могу ничем опорочить царевичей; но позволь, позволь мне остаться в девическом моем тереме!» – *Царь добрый человек* прослезился. «Я нежный отец, а не тиран твой, – отвечал он царевне, – благоразумные родители могут управлять склонностями детей своих, но не могут ни возбуждать, ни переменять оных – так искусный кормчий управляет кораблем, но не может сказать тишине: превратися в ветер! или восточному ветру *будь западным!*» – *Царь добрый человек* обнял дочь свою, вышел к принцам и сказал им с печальным видом и со всевозможною учтивостию, что *прекрасная царевна* ни для кого из них не хочет оставить девического своего терема. Все царевичи приуныли, призадумались и повесили свои головы: ибо всякий из них надеялся быть супругом *прекрасной царевны*. Один утирался белым платком, другой глядел в землю, третий закрывал глаза рукою, четвертый щипал на себе платье, пятый стоял, прислонясь к печке, и смотрел себе на нос, подобно индейскому брамину, размышляющему о естестве души человеческой; шестой – но что в сию минуту делали шестой, седьмой и прочие, о том молчат летописи.

Наконец все они вздохнули (так сильно, что едва не затряслись каменные стены) и томным голосом принесли хозяину благодарность за угощение. В одно мгновение белые шатры перед дворцом исчезли – царевичи сели на коней своих и с грусти помчались во весь дух, каждый своею дорогою; пыль поднялась столбом и опять легла на свое место.

В царском дворце стало все тихо и смиренно, и *царь добрый человек* принялся за обыкновенное дело свое, которое состояло в том, чтобы править подданными, как отец правит детьми, и распространять благоденствие в подвластной ему стране – дело трудное, но святое и приятное! Однако ж у хлебосола редко бывает без гостей – и скоро по отъезде принцев приехал к царю странствующий астролог, гимнософист, маг, халдей в высокой шапке, на которой изображены были луна и звезды, – прожил у него несколько недель – водил за стол *прекрасную царевну*, как должно учтивому кавалеру – пил и ел по-философски, то есть за пятерых, и беспрестанно говорил об умеренности и воздержании. Царь обходился с ним ласково; расспрашивал его о происшествиях света, о звездах небесных, о рудах подземных, о птицах воздушных и находил удовольствие в беседе его. К чести сего странствующего рыцаря должно сказать, что он имел многие исторические, физические и философические сведения, и сердце человеческое было для него не совсем *тарабарскою грамотою* – то есть он знал людей и часто угадывал по глазам самые сокровеннейшие их чувства и мысли. В нынешнее время назвали

бы его – не знаю, чем; но в тогдашнее называли мудрецом. Правда, что всякий новый век приносит с собою новое понятие о сем слове. Сей мудрец, собравшись наконец ехать от *царя доброго человека*, сказал ему сии слова: «В благодарность за твою ласку» (и за твой хороший стол, мог бы он примолвить), «открою тебе важную тайну, важную для твоего сердца, *царь добрый человек!* Ничто не сокрыто от моей мудрости; не сокрыта от нее и душа твоей дочери, *прекрасной царевны*. Знай, что она любит и хочет скрывать любовь свою. Растение, цветущее во мраке, позябает и лишается красоты своей; любовь есть цвет души. Я не могу сказать более. Прости!» – Он пожал у царя руку, вышел, сел на осла и поехал в иную землю.

Царь добрый человек стоял в изумлении и не знал, что думать о словах мудрецовых: верить ли им или не верить, – как вдруг явилась царевна, поздравила отца своего с добрым утром и спросила, покойно ли спал он в прошедшую ночь? «Очень беспокойно, любезная дочь моя!» – отвечал *царь добрый человек*. – «Душу мою тревожили разные неприятные сны, из которых один остался в моей памяти. Мне казалось, что я вместе со многими людьми пришел к дикой пещере, в которой смертные узнавали будущее. Всякий из нас желал о чем-нибудь спросить судьбу; всякий по очереди входил в сумрачный грот, освещенный одною лампадою, и писал на стене вопрос – через минуту, на том же месте, огненными буквами изображался ответ. Я хотел знать, ско-

ро ли будут у меня милые внучата? и к ужасу моему увидел сии слова: *может быть, никогда*. Рука моя дрожала; но я написал еще другие вопросы: *Разве у дочери моей каменное сердце? разве она никогда любить не будет?* Последовал другой ответ: *Она уже любит, но не хочет открыть любви своей и крушится втайне*. Тут слезы покатались из глаз моих; тронутое мое сердце излилось в нежных жалобах на тебя, прекрасная царица! *Чем я заслужил такую неискренность, такую недоверенность? Будет ли отец врагом любезной своей дочери? Могу ли противиться сердечному твоему выбору, милая царица? Не всегда ли желания твои были мне законом? Не бросался ли я на старости лет моих за твою бабочкою, которую ты хвалила? Не собственною ли рукою поливал я те цветочки, которые тебе нравились?* «— Тут царица заплакала, схватила руку отца своего, поцеловала ее с жаром — сказала: *батюшка! батюшка!* — взглянула ему в глаза и ушла в свой терем.

«Итак, мудрец сказал мне правду?» (размышлял *царь добрый человек*), «она не могла скрыть своего внутреннего движения. Жестокая! думал ли я... И для чего таить? Для чего было не сказать, который из царевичей пленил ее сердце? Может быть, он не так богат, не так знатен, как другие; но разве мне надобны богатство и знатность? Разве мало у меня серебра и золота? Разве он не будет славен по жене своей? Надобно все узнать». Он ту же минуту решился идти к прекрасной царице; подошел к дверям ее терема и услы-

шал голос мужчины, который говорил: «Нет, *прекрасная царица!* никогда отец твой не согласится признать меня зятем своим!» Сердце родителя сильно затрепетало. Он растворил дверь... Но какое перо опишет теперь его чувства? Что представилось глазам его? Безобразный придворный карла, с горбом наперед, с горбом назад, обнимал царицу, которая, проливая слезы, осыпала его страстными поцелуями! – Царь окаменел. *Прекрасная царица* бросилась перед ним на колени и сказала ему твердым голосом: «Родитель мой! умертви меня или отдай за любезного, милого, бесценного карлу! Никогда не буду супругою другого. Душа моя живет его душою, сердце мое – его сердцем. В жизни и в смерти мы неразлучны». – Между тем карла стоял покойно и смотрел на царя с почтением, но без робости. Царь долго был неподвижен и безгласен. Наконец, воскликнув: *что я вижу? что слышу?* – упал на кресла, и голова его к левому плечу склонилась. Царица обнимала его колени. Он взглянул на нее так, что прекрасная не могла снести сего взора и потупила глаза в землю. *Ты, ты...* Голос его перервался. Он посмотрел на карлу – вскочил, хлопнул дверью и ушел.

«Как, как могла *прекрасная царица* полюбить горбатого карлу?» – спросит или не спросит читатель. Великий Шекспир говорит, что причина любви бывает без причины: хорошо сказано для поэта! Но психолог тем не удовольствуется и захочет, чтобы мы показали ему, каким образом родилась сия склонность, по-видимому, невероятная. Древние лето-

писи в изъяснение такого нравственного феномена говорят следующее.

Придворный карла был человек отменно умный. Видя, что своенравная Натура произвела его на свет маленьким уродцем и что наружность его очень неприманчива, решился он заменить телесные недостатки душевными красотами – стал учиться с величайшею прилежностью, читал древних и новых авторов и, подобно афинскому ритору Демосфену, ходил на берег моря говорить волнам пышные речи, им сочиняемые. Таким образом, скоро приобрел он сие великое, сие драгоценное искусство, которое покоряет сердца людей и самого нечувствительного человека заставляет плакать и смеяться, – то дарование и то искусство, которым фракийский Орфей пленял и зверей, и птиц, и леса, и камни, и реки, и ветры, – *красноречие!* Сверх того, он имел приятный голос, играл хорошо на арфе и гитаре, пел трогательные песни своего сочинения и мог прекрасным образом оживлять полотно и бумагу, изображая на них или героев древности, или совершенство красоты женской, или кристальные ручейки, осеняемые высокими ивами и призывающие к сладкой дремоте утомленного пастуха с пастушкой. Скоро слух о достоинствах и талантах чудного карлы разнесся по всему городу и всему государству. Все искали его знакомства: и старые и молодые, и мужчины и женщины – одним словом, умный карла вошел в превеликую моду. Важная услуга, оказанная им отечеству... Но о сем будет говорено в другом месте.

Когда *прекрасной царевне* было еще не более десяти или двенадцати лет от роду, умный карла ходил к ней в терем сказывать сказки о благодетельных феях и злых волшебниках – под именами первых описывал он святые добродетели, которые делают человека счастливым; под именами последних – гибельные пороки, которые ядовитым дыханием своим превращают цветущую долину жизни в юдоль мрака и смерти. Царевна часто проливала слезы, слушая горестные похождения любезных принцев и принцесс; но радость сияла на прекрасном лице ее, когда они, преодолев наконец многочисленные искушения рока, в объятиях любви наслаждались всею полнотою земного блаженства. Любя повести красно-речивого карлы, неприметно полюбила она и повествователя, и проницательные глаза ее открыли в нем самом те трогательные черты милой чувствительности, которые украшали романических его героев. Сердце ее сделало, так сказать, нежную привычку к его сердцу, у которого научилось оно чувствовать. Самая наружность карлы стала ей приятна, ибо сия наружность была в глазах ее образом прекрасной души; и скоро показалось царевне, что тот не может быть красавцем, кто ростом выше двадцати пяти вершков и у кого нет наперед и назади горба. – Что принадлежит до нашего героя, то он, не имея слепого самолюбия, никак не думал, чтобы царевна могла им плениться, а потому и сам был почти равнодушен к ее прелестям, ибо любовь не рождается без надежды. Но когда в минуту живейшей симпатии прекрас-

ная сказала ему: *я люблю тебя!* – когда вдруг открылось ему поле такого блаженства, о котором он прежде и мечтать не осмеливался, тогда в душе его мгновенно вспыхнули глубоко таившиеся искры. В восторге бросился он на колени перед царевною и воскликнул в сладостном упоении сердца: *ты моя!* Правда, что он скоро образумился; вспомнил высокий род ее, вспомнил себя и закрыл руками лицо свое, но царевна поцеловала его и сказала: *я твоя или ничья!* Девическая робость не позволяла ей открыться родителю в своей страсти.

«Сия любовь *прекрасной царевны* хотя и к умному, но безобразному карле» (говорит один из насмешников тогдашнего времени) «приводит на мысль того царя древности, который смертельно влюбился в лягушечьи глаза и, созвав мудрецов своего государства, спросил у них: что всего любезнее? *Цветущая юность*, отвечал один по долгом размышлении – *красота*, отвечал другой – *науки*, отвечал третий – *царская милость*, отвечал четвертый с низким поклоном, и так далее. Царь вздохнул, залился слезами и сказал: *Нет, нет! всего любезнее – лягушечьи глаза!*»

Теперь обратимся к нашей повести. Мы сказали, что *царь добрый человек* хлопнул дверью и ушел из царевнина терема, но не сказали, куда? Итак, да будет известно читателям, что он ушел в свою горницу, заперся там один, думал, думал и наконец призвал к себе карлу – потом *прекрасную царевну*, – говорил с ними долго и с жаром, но как и что, о том молчит

История.

На другой день было объявлено во всем городе, что *царь добрый человек* желает говорить с народом – и народ со всех сторон окружил дворец, так что негде было пасть яблоку. Царь вышел на балкон и, когда восклицания: *да здравствует наш добрый государь!* – умолкли, спросил у своих подданных: *друзья! любите ли вы царевну?* Тысячи голосов отвечали: *мы обожаем прекрасную!*

Царь. Желаете ли, чтобы она избрала себе супруга?

Тысячи голосов. Ах! желаем сердечно! Он должен быть твоим наследником, *царь добрый человек!* Мы станем любить его, как тебя и дочь твою любим.

Царь. Но довольны ли будете вы ее выбором?

Тысячи голосов. Кто мил царевне, тот мил и твоим подданным!

В сию минуту поднялся на балконе занавес – явилась *прекрасная царевна* в снегоцветной одежде с распущенными волосами, которые, как златистый лен, развевались на плечах ее, – взглянула, как солнце, на толпы народные, и миллионы диких людей покорились бы сему взору. Карла стоял подле нее; спокойно и величаво смотрел на волнующийся народ, нежно и страстно – на царевну. Тысячи восклицали: *да здравствует прекрасная!*

Царь, указывая на карлу, сказал: «вот он – тот, кого царевна вечно любить клянется и с кем хочет она соединиться навеки!»

Все изумились – потом начали жужжать, как шмели, и говорили друг другу: *можно ли, можно ли... То ли нам послышалось? Как этому быть? она прекрасна; она царская дочь, а он карла, горбат, не царский сын!*

– *Я люблю его,* – сказала царица – и после сих слов карла показался народу почти красавцем.

«Вы удивляетесь (продолжал *царь добрый человек*), но так судьбе угодно. Я долго думал и наконец даю мое благословение. Впрочем, вам известно, что он имеет достоинства; не забыли вы, быть может, и важной услуги, оказанной им отечеству. Когда варвары под началом гигантского царя своего, как грозная буря, приблизились к нашему государству; когда серп выпал из рук устрешенного поселянина и бледный пастух в ужасе бежал от стада своего, тогда юный карла, один и безоружен, с масличною ветвию явился в стане неприятельском и запел сладостную песнь мира – умиление изобразилось на лицах варварских, – царь их бросил меч из руки своей, обнял песнопевца, взял ветвь его и сказал: *мы друзья!* Потом сей грозный гигант был мирным гостем моим – и тысячи его удалились от страны нашей. Чем наградить тебя? – спросил я тогда у юного карлы. *Твоею милостию,* отвечал он с улыбкою. Теперь —»

Тут весь народ в один голос воскликнул: *да будет он супругом прекрасной царицы! да царствует над нами!*

Торжественная музыка загремела – загремели хоры и гимны, – *царь добрый человек* сложил руки любовников – и бра-

косочетание совершилось со всеми пышными обрядами.

Карла жил долго и щастливо с прекрасною своею супругою. Когда *царь добрый человек* после деятельной жизни скончался блаженною смертию, то есть заснул, как утомленный странник при шуме ручейка на зеленом лугу засыпает, тогда зять его в венце сафирорубинном и с золотым скиптром воссел на высоком троне и обещал народу царствовать с правдою. Он исполнил обет свой, и беспристрастная История назвала его одним из лучших владык земных. Дети его были прекрасны, подобно матери, и разумны, подобно родителю.

В.А. Жуковский
Сказка о царе Берендее, о
сыне его Иване-царевиче, о
хитростях Кощея Бессмертного
и о премудрости Марьи-
царевны, Кощеевой дочери

Жил-был царь Берендей *до колен борода*. Уж три года
Был он женат и жил в согласье с женою; но все им
Бог детей не давал, и было царю то прискорбно.
Нужда случилась царю осмотреть свое государство;
Он простился с царицей и восемь месяцев ровно
Пробыл в отлучке. Девятый был месяц в исходе, когда он,
К царской столице своей подъезжая, на поле чистом
В знойный день отдохнуть рассудил; разбили палатку;
Душно стало царю под палаткой, и смерть захотелось
Выпить студеной воды. Но поле было безводно...
Как быть, что делать? А плохо приходит; вот он решился
Сам объехать все поле: авось попадетя на счастье
Где-нибудь ключ. Поехал и видит колодезь. Поспешно
Спрянув с коня, заглянул он в него: он полон водою
Вплоть до самых краев; золотой на поверхности ковшик
Плавает. Царь Берендей поспешно за ковшик – не тут-то

Было: ковшик прочь от руки. За янтарную ручку
Царь с нетерпеньем то правой рукою, то левой хватает
Ковшик; но ручка, проворно виляя и вправо и влево,
Только что дразнит царя и никак не дается.

Что за причина? Вот он, выждавши время, чтоб ковшик
Стал на место, хватъ его разом справа и слева —
Как бы не так! Из рук ускользнувши, как рыбка нырнул
он

Прямо на дно колодца и снова потом на поверхность
Выплыл, как будто ни в чем не бывало. «Постой же!
(подумал

Царь Берендей) я напьюсь без тебя», – и, недолго
сбираясь,

Жадно прильнул он губами к воде и струю ключевую
Начал тянуть, не заботясь о том, что в воде утонула
Вся его борода. Напившись вдоволь, поднять он
Голову хочет... ан нет, погоди! не пускают; и кто-то
Царскую бороду держит. Упершись в ограду колодца,
Силится он оторваться, трясет, вертит головою —
Держат его, да и только. «Кто там? пустите!» – кричит он.
Нет ответа; лишь страшная смотрит со дна обрзина:
Два огромные глаза горят, как два изумруда;
Рот разинутый чудным смехом смеется; два ряда
Крупных жемчужин светятся в нем, и язык, меж зубами
Выставясь, дразнит царя; а в бороду впутались крепко
Вместо пальцев клешни. И вот наконец сиповатый
Голос сказал из воды: «Не трудися, царь, понапрасну;
Я тебя не пущу. Если же хочешь на волю,
Дай мне то, что есть у тебя и чего ты не знаешь».

Царь подумал: «Чего ж я не знаю? Я, кажется, знаю Все!» И он отвечал образине: «Изволь, я согласен». «Ладно! – опять сиповатый послышался голос. – Смотри же,

Слово сдержи, чтоб себе не нажить ни попрека, ни худа».

С этим словом исчезли клешни; образина пропала.

Честную выручив бороду, царь отряхнулся, как гоголь,

Всех придворных обрызгал, и все царю поклонились.

Сев на коня, он поехал; и долго ли, мало ли ехал,

Только уж вот он близко столицы; навстречу толпами

Сыплет народ, и пушки палят, и на всех колокольнях

Звон. И царь подъезжает к своим златоверхим палатам —

Там царица стоит на крыльце и ждет; и с царицей

Рядом первый министр; на руках он своих парчевую

Держит подушку; на ней же младенец, прекрасный как светлый

Месяц, в пеленках колышется. Царь догадался и ахнул.

«Вот оно то, чего я не знал! Уморил ты, проклятый

Демон, меня!» Так он подумал и горько, горько заплакал.

Все удивились, но слова никто не промолвил. Младенца

На руки взявши, царь Берендей любовался им долго,

Сам его взнес на крыльцо, положил в колыбельку и, горе

Скрыв про себя, по-прежнему царствовать начал. О

тайне

Царской никто не узнал; но все примечали, что крепко

Царь был печален – он все дожидался: вот придут за

сыном;

Днем он покоя не знал, и сна не ведал он ночью.

Время, однако, текло, а никто не являлся. Царевич

Рос не по дням – по часам; и сделался чудо-красавец.
Вот наконец и царь Берендей о том, что случилось,
Вовсе забыл... но другие не так забывчивы были.
Раз царевич, охотой в лесу забавляясь, в густую
Чащу заехал один. Он смотрит: все дико; поляна;
Черные сосны кругом; на поляне дуплистая липа.
Вдруг зашумело в дупле; он глядит: вылезает оттуда
Чудный какой-то старик, с бородою зеленой, с глазами
Также зелеными. «Здравствуй, Иван-царевич, – сказал
он. —

Долго тебя дожидались мы; пора бы нас вспомнить».
«Кто ты?» – царевич спросил. «Об этом после; теперь же
Вот что ты сделай: отцу своему, царю Берендею,
Мой поклон отнеси да скажи от меня: не пора ли,
Царь Берендей, должок заплатить? Уж давно миновалось
Время. Он сам остальное поймет. До свиданья». И с этим
Словом исчез бородатый старик. Иван же царевич
В крепкой думе поехал обратно из темного леса.
Вот он к отцу своему, царю Берендею, приходит.
«Батюшка царь-государь, – говорит он, – со мною
случилось
Чудо». И он рассказал о том, что видел и слышал.
Царь Берендей побледнел, как мертвец. «Беда, мой
сердечный
Друг, Иван-царевич! – воскликнул он, горько заплакав.
—

Видно, пришло нам расстаться!..» И страшную тайну о
данной
Клятве сыну открыл он. «Не плачь, не крушися,

родитель, —

Так отвечал Иван-царевич, — беда невелика.

Дай мне коня; я поеду; а ты меня дожидайся;

Тайну держи про себя, чтоб о ней здесь никто не проведал,

Даже сама государыня-матушка. Если ж назад я

К вам по прошествии целого года не буду, тогда уж

Знайте, что нет на свете меня». Снарядили как должно

В путь Ивана-царевича. Дал ему царь золотые

Латы, меч и коня вороного; царица с мощами

Крест на шею надела ему; отпели молебен;

Нежно потом обнялися, поплакали... с богом! Поехал

В путь Иван-царевич. Что-то с ним будет? Уж едет

День он, другой и третий; в исходе четвертого — солнце

Только успело зайти — подъезжает он к озеру; гладко

Озеро то, как стекло; вода наравне с берегами;

Все в окрестности пусто; румяным вечерним сияньем

Воды покрытые гаснут, и в них отразился зеленый

Берег и частый тростник — и все как будто бы дремлет;

Воздух не веет; тростинка не тронется; шороха в

струйках

Светлых не слышно. Иван-царевич смотрит, и что же

Видит он? Тридцать хохлатых сереньких уточек подле

Берега плавают; рядом тридцать белых сорочек

Подле воды на травке лежат. Осторожно поодаль

Слез Иван-царевич с коня; высокой травой

Скрытый, подполз и одну из белых сорочек тихонько

Взял; потом угнездился в кусте дожидаться, что будет.

Уточки плавают, плещутся в струйках, играют, ныряют.

Вот наконец, поиграв, поныряв, поплескавшись,
подплыли

К берегу; двадцать девять из них, побежав с перевалкой
К белым сорочкам, оземь ударились, все обратились
В красных девиц, нарядились, порхнули и разом исчезли.
Только тридцатая уточка, на берег выйти не смея,
Взад и вперед одна-одинешенька с жалобным криком
Около берега бьется; с робостью вытянув шейку,
Смотрит туда и сюда, то вспорхнет, то снова присядет...
Жалко стало Ивану-царевичу. Вот он выходит
К ней из-за кустика; глядь, а она ему человечьим
Голосом вслух говорит: «Иван-царевич, отдай мне
Платье мое, я сама тебе пригожуся». Он с нею
Спорить не стал, положил на травку сорочку и, скромно
Прочь отошедши, стал за кустом. Вспорхнула на травку
Уточка. Что же вдруг видит Иван-царевич? Девица
В белой одежде стоит перед ним, молода и прекрасна
Так, что ни в сказке сказать, ни пером описать, и,
краснея,

Руку ему подает и, потупив стыдливые очи,
Голосом звонким, как струны, ему говорит:
«Благодарствуй,
Добрый Иван-царевич, за то, что меня ты послушал;
Тем ты себе самому услужил, но и мною доволен
Будешь: я дочь Кощея бессмертного, Марья-царевна;
Тридцать нас у него, дочерей молодых. Подземельным
Царством владеет Кошей. Он давно уж тебя поджидает
В гости и очень сердит; но ты не пекись, не заботься,
Сделай лишь то, что я тебе присоветую. Слушай:

Только завидишь Кощея-царя, упади на колена,
Прямо к нему поползи; затопают он – не пугайся;
Станет ругаться – не слушай; ползи да и только; что после
Будет, увидишь; теперь пора нам». И Марья-царевна
В землю ударила маленькой ножкой своей; расступилась
Тотчас земля, и они вместе в подземное царство
спустились.

Видят дворец Кощея бессмертного; высечен был он
Весь из карбункула-камня и ярче небесного солнца
Все под землей освещал. Иван-царевич отважно
Входит: Кощей сидит на престоле в светлой короне;
Блещут глаза, как два изумруда; руки с клешнями.
Только завидел его вдалеке, тотчас на колени
Стал Иван-царевич. Кощей ж затопал, сверкнуло
Страшно в зеленых глазах, и так закричал он, что своды
Царства подземного дрогнули. Слово Марьи-царевны
Вспомня, пополз на карачках Иван-царевич к престолу;
Царь шумит, а царевич ползет да ползет. Напоследок
Стало царю и смешно. «Добро ты, проказник, – сказал
он, —

Если тебе удалось меня рассмешить, то с тобою
Ссоры теперь заводить я не стану. Милости просим
К нам в подземельное царство; но знай, за твое ослушанье
Должен ты нам отслужить три службы; сочтемся мы
завтра;

Ныне уж поздно; поди». Тут два придворных проворно
Под руки взяли Ивана-царевича очень учтиво,
С ним пошли в покой, отведенный ему, отворили
Дверь, поклонились царевичу в пояс, ушли, и остался

Там он один. Беззаботно он лег на постелю и скоро
Сном глубоким заснул. На другой день рано поутру
Царь Кощей к себе Ивана-царевича кликнул:

«Ну, Иван-царевич, – сказал он, – теперь мы посмотрим,
Что-то искусен ты делать? Изволь, например, нам
построить

Нынешней ночью дворец: чтоб кровля была золотая,
Стены из мрамора, окна хрустальные, вокруг регулярный
Сад, и в саду пруды с карасями; если построишь

Этот дворец, то нашу царскую милость заслужишь;
Если же нет, то прошу не пенять... головы не удержишь!»

«Ах ты, Кощей окаянный, – Иван-царевич подумал, —
Вот что затеял, смотри пожалуй!» С тяжелой кручиной
Он возвратился к себе и сидит пригорюнясь; уж вечер;
Вот блестящая пчелка к его подлетела окошку,
Бьется об стекла – и слышит он голос: «Впусти!» Отворил
он

Дверку окошка, пчелка влетела и вдруг обернулась
Марьей-царевной. «Здравствуй, Иван-царевич; о чем ты
Так призадумался?» – «Нехотя будешь задумчив, –
сказал он. —

Батюшка твой до моей головы добирается». – «Что же
Сделать решился ты?» – «Что? Ничего. Пускай его
снимет

Голову; двух смертей не видать, одной не минуешь».
«Нет, мой милый Иван-царевич, не должно терять нам
Бодрости. То ли беда? Беда впереди; не печалься;
Утро вечера, знаешь ты сам, мудренее: ложися
Спать; а завтра пораньше встань; уж дворец твой построен

Будет; ты ж только ходи с молотком да постукивай в стену».

Так все и сделалось. Утром ни свет ни заря, из каморки Вышел Иван-царевич... глядит, а дворец уж построен. Чудный такой, что сказать невозможно. Кощей изумился; Верить не хочет глазам. «Да ты хитрец не на шутку, — Так он сказал Ивану-царевичу, — вижу, ты ловок На руку; вот мы посмотрим, так же ли будешь догадлив. Тридцать есть у меня дочерей, прекрасных царевен. Завтра я всех их рядом поставлю, и должен ты будешь Три раза мимо пройти и в третий мне раз без ошибки Младшую дочь мою, Марью-царевну, узнать; не узнаешь

—
С плеч голова. Поди». — «Уж выдумал, чучела, мудрость,

—
Думал Иван-царевич, сидя под окном. — Не узнать мне Марью-царевну... какая ж тут трудность?» — «А трудность такая. —

Молвила Марья-царевна, пчелкой влетевши, — что если Я не вступлюся, то быть беде неминуемой. Всех нас Тридцать сестер, и все на одно мы лицо; и такое Сходство меж нами, что сам отец наш только по платью Может нас различать». — «Ну что же мне делать?» — «А вот что:

Буду я та, у которой на правой щеке ты заметишь Мошку. Смотри же, будь осторожен, взглядишь хорошенько,

Сделать ошибку легко. До свиданья». И пчелка исчезла. Вот на другой день опять Ивана-царевича кличет

Царь Кощей. Царевны уж тут, и все в одинаком
Платье рядом стоят, потупив глаза. «Ну, искусник, —
Молвил Кощей, — изволь-ка пройтись три раза мимо
Этих красавиц, да в третий раз потрудишься указать нам
Марью-царевну». Пошел Иван-царевич; глядит он
В оба глаза: уж подлинно сходство! И вот он проходит
В первый раз — мошки нет; проходит в другой раз — все
мошки

Нет; проходит в третий и видит — крадется мошка,
Чуть заметно, по свежей щеке, а щека-то под нею
Так и горит; загорелось и в нем, и с трепещущим сердцем:
«Вот она, Марья-царевна!» — сказал он Кошеею, подавши
Руку красавице с мошкой. «Э, э! да тут, примечаю,
Что-то нечисто, — Кощей проворчал, на царевича с
сердцем

Выпучив оба зеленые глаза. — Правда, узнал ты
Марью-царевну, но как узнал? Вот тут-то и хитрость;
Верно, с грехом пополам. погоди же, теперь доберуся
Я до тебя. Часа через три ты опять к нам пожалуй;
Рады мы гостю, а ты нам свою премудрость на деле
Здесь покажи: зажгу я соломинку; ты же, куда
Будет гореть та соломинка, здесь, не трогаясь с места,
Сшей мне пару сапог с оторочкой; не диво; да только
Знай наперед: не сошьешь — долой голова; до свиданья».
Зол возвратился к себе Иван-царевич, а пчелка
Марья-царевна уж там. «Отчего опять так задумчив,
Милый Иван-царевич?» — спросила она. «Поневоле
Будешь задумчив, — он ей отвечал. — Отец твой затеял
Новую шутку: шей я ему сапоги с оторочкой;

Разве какой я сапожник? Я царский сын; я не хуже Родом его. Кощей он бессмертный! видали мы много Этих бессмертных». – «Иван-царевич, да что же ты будешь

Делать?» – «Что мне тут делать? Шить сапогов я не стану. Снимет он голову – черт с ним, с собакой! какая мне нужда!»

«Нет, мой милый, ведь мы теперь жених и невеста; Я постараюсь избавить тебя; мы вместе спасемся Или вместе погибнем. Нам должно бежать; уж другого Способа нет». Так сказав, на окошко Марья-царевна Плюнула; слюнки в минуту примерзли к стеклу; из каморки

Вышла она потом с Иваном-царевичем вместе, Двери ключом заперла и ключ далеко зашвырнула. За руки взявшись потом, они поднялися и мигом Там очутились, откуда сошли в подземельное царство. То же озеро, низкий берег, муравчатый, свежий Луг, и, видят, по лугу свежему бодро гуляет Конь Ивана-царевича. Только почувял могучий Конь седока своего, как заржал, заплясал и помчался Прямо к нему и, примчавшись, как вкопанный в землю Стал перед ним. Иван-царевич, не думая долго, Сел на коня, царевна за ним, и пустились стрелою. Царь Кощей в назначенный час посылает придворных Слуг доложить Ивану-царевичу: что-де так долго Мешкать изволите? Царь дожидается. Слуги приходят; Заперты двери. Стук! стук! и вот из-за двери им слюнки, Словно как сам Иван-царевич, ответствуют: *буду*.

Этот ответ придворные слуги относят к Кощею;
Ждать-подождать – царевич нейдет; посылает в другой
раз

Тех же послов рассерженный Кощей, и та же все песня:
Буду; а нет никого. Взбесился Кощей. «Насмехаться,
Что ли, он вздумал? Бегите же; дверь разломать и в
минуту

За ворот к нам притащить неучтивца!» Бросились
слуги...

Двери разломаны... вот тебе раз; никого там, а слюнки
Так и хохочут. Кощей едва от злости не лопнул.

«Ах! он вор окаянный! люди! люди! скорее
Все в погоню за ним!.. я всех перевешаю, если
Он убежит!..» Помчалась погоня... «Мне слышится
топот», —

Шепчет Ивану-царевичу Марья-царевна, прижавшись
Жаркою грудью к нему. Он слезает с коня и, припавши
Ухом к земле, говорит ей: «Скачут, и близко». — «Так
медлить

Нечего», — Марья-царевна сказала, и в ту же минуту
Сделалась речкой сама, Иван-царевич железным
Мостиком, черным вороном конь, а большая дорога
На три дороги разбилась за мостиком. Быстро погоня
Скачет по свежему следу; но, к речке примчавшись, стали
В пень Кошечевы слуги: след до мостика виден;
Дале ж и след пропадает, и делится на три дорога.
Нечего делать – назад! Воротились разумники. Страшно
Царь Кощей разозлился, о их неудаче услышав.
«Черти! ведь мостик и речка были они! догадаться

Можно бы вам, дуралеям! Назад! чтоб был непременно
Здесь он!...» Опять помчалась погоня... «Мне слышится
топот», —

Шепчет опять Ивану-царевичу Марья-царевна.

Слез он с седла и, припавши ухом к земле, говорит ей:
«Скачут, и близко». И в ту же минуту Марья-царевна
Вместе с Иваном-царевичем, с ними и конь их, дремучим
Сделались лесом; в лесу том дорожек, тропинок числа
нет;

По лесу ж, кажется, конь с двумя седоками несется.

Вот по свежему следу гонцы примчались к лесу;

Видят в лесу скакунов и пустились вдогонку за ними.

Лес же раскинулся вплоть до входа в Кошчеево царство.

Мчатся гонцы, а конь перед ними скачет да скачет;

Кажется, близко; ну только б схватить; ан нет, не дается.

Глядь! очутились они у входа в Кошчеево царство.

В самом том месте, откуда пустились в погоню;
и скрылось

Все: ни коня, ни дремучего лесу. С пустыми руками

Снова явились к Кощею они. Как цепная собака,

Начал метаться Кощей. «Вот я ж его, плута! Коня мне!

Сам поеду, увидим мы, как от меня отвертится!»

Снова Ивану-царевичу Марья-царевна тихонько

Шепчет: «Мне слышится топот»; и снова он ей отвечает:

«Скачут, и близко». — «Беда нам! Ведь это Кощей, мой
родитель

Сам; но у первой церкви граница его государства;

Далее ж церкви скакать он никак не посмеет. Подай мне

Крест твой с мощами». Послушавшись Марья-царевны,

снимает

С шеи свой крест золотой Иван-царевич и в руки
Ей подает, и в минуту она обратилась в церковь,
Он в монаха, а конь в колокольню – и в ту же минуту
С свитой к церкви Кощей прискакал. «Не видал ли
проезжих,
Старец честной?» – он спросил у монаха. «Сейчас
проезжали

Здесь Иван-царевич с Марьей-царевной; входили
В церковь они – святым помолились да мне приказали
Свечку поставить за здравье твое и тебе поклониться,
Если ко мне ты заедешь». – «Чтоб шею сломить им,
проклятым!» —

Крикнул Кощей и, коня повернув, как безумный
помчался

С свитой назад, а примчавшись домой, пересек
беспощадно

Всех до единого слуг. Иван же царевич с своею
Марьей-царевной поехали дале, уже не бояся
Боле погони. Вот они едут шажком; уж склонялось
Солнце к закату, и вдруг в вечерних лучах перед ними
Город прекрасный. Ивану-царевичу смерть захотелось
В этот город заехать. «Иван-царевич, – сказала
Марья-царевна, – не езд; недаром вешее сердце
Ноет во мне: беда приключится». – «Чего ты боишься,
Марья-царевна? Заедем туда на минуту; посмотрим
Город, потом и назад». – «Заехать нетрудно, да трудно
Выехать будет. Но быть так! ступай, а я здесь останусь
Белым камнем лежать у дороги; смотри ж, мой милый,

Будь осторожен: царь и царица, и дочь их царевна
Выдут навстречу тебе, и с ними прекрасный младенец
Будет; младенца того не целуй: поцелуешь – забудешь
Тотчас меня, тогда и я не останусь на свете,
С горя умру, и умру от тебя. Вот здесь, у дороги,
Буду тебя дожидаться я три дня; когда же на третий
День не придешь... но прости, поезжай». И в город
поехал,

С нею простоя, Иван-царевич один. У дороги
Белым камнем осталась Марья-царевна. Проходит
День, проходит другой, напоследок проходит и третий —
Нет Ивана-царевича. Бедная Марья-царевна!

Он не исполнил ее наставленья: в городе вышли
Встретить его и царь, и царица, и дочь их царевна;
Выбежал с ними прекрасный младенец, мальчик-
кудряшка,

Живчик, глазенки как ясные звезды; и бросился прямо
В руки Ивану-царевичу; он же его красотою

Так был пленен, что, ум потерявши, в горячие щеки

Начал его целовать; и в эту минуту затмилась

Память его, и он позабыл о Марье-царевне.

Горе взяло ее. «Ты покинул меня, так и жить мне

Незачем боле». И в то же мгновенье из белого камня

Марья-царевна в лазоревый цвет полевой превратилась.

«Здесь, у дороги, останусь, авось мимоходом затопчет

Кто-нибудь в землю меня», – сказала она, и росинки

Слез на листках голубых заблестали. Дорогой в то время

Шел старик; он цветок голубой у дороги увидел;

Нежной его красотою пленясь, осторожно он вырыл

С корнем его, и в избушку свою перенес, и в корытце
Там посадил, и полил водой, и за милым цветочком
Начал ухаживать. Что же случилось? С той самой минуты
Все не по-старому стало в избушке; чудесное что-то
Начало деяться в ней: проснется старик – а в избушке
Все уж как надо прибрано; нет нигде ни пылинки.
В полдень придет он домой – а обед уж состряпан, и
чистой

Скатертью стол уж накрыт: садися и ешь на здоровье.
Он дивился, не знал, что подумать; ему напоследок
Стало и страшно, и он у одной ворожейки-старушки
Начал совета просить, что делать. «А вот что ты сделай,
—

Так отвечала ему ворожейка, – встань ты до первой
Ранней зари, пока петухи не пропели, и в оба
Глаза гляди: что начнет в избушке твоей шевелиться,
То ты вот этим платком и накрой. Что будет, увидишь».
Целую ночь напролет старик пролежал на постеле,
Глаз не смыкая. Заря занялася, и стало в избушке
Видно, и видит он вдруг, что цветок голубой
встрепенулся,

С тонкого стебля спорхнул и начал летать по избушке;
Все между тем по местам становилось, повсюду
сметалась

Пыль, и огонь разгорался в печурке. Проворно с постели
Прянул старик и накрыл цветочек платком, и явилась
Вдруг пред глазами его красавица Марья-царевна.
«Что ты сделал? – сказала она. – Зачем возвратил ты
Жизнь мне мою? Жених мой, Иван-царевич прекрасный,

Бросил меня, и я им забыта». – «Иван твой царевич
Женится нынче. Уж свадебный пир приготовлен, и гости
Съехались все». Заплакала горько Марья-царевна;
Слезы потом отерла; потом, в сарафан нарядившись,
В город крестьянкой пошла. Приходит на царскую кухню;
Бегают там повара в колпаках и фартуках белых;
Шум, возня, стукотня. Вот Марья-царевна, приближась
К старшему повару, с видом умильным и сладким, как
флейта,

Голосом молвила: «Повар, голубчик, послушай, позволь
мне

Свадебный спечь пирог для Ивана-царевича». Повар,
Занятый делом, с досады хотел огрызнуться; но слово
Замерло вдруг у него на губах, когда он увидел
Марью-царевну; и ей отвечал он с приветливым
взглядом:

«В добрый час, девица-красавица; все, что угодно,
Делай; Ивану-царевичу сам поднесу я пирог твой».

Вот пирог испечен; а званые гости, как должно,
Все уж сидят за столом и пируют. Услужливый повар
Важно огромный пирог на узорном серебряном блюде
Ставит на стол перед самым Иваном-царевичем; гости
Все удивились, увидя пирог. Но лишь только верхушку
Срезал с него Иван-царевич – новое чудо!

Сизый голубь с белой голубкой порхнули оттуда.

Голубь по столу ходит; голубка за ним и воркует:

«Голубь, мой голубь, постой, не беги; обо мне ты
забудешь

Так, как Иван-царевич забыл о Марье-царевне!»

Ахнул Иван-царевич, то слово голубки услышав;
Он вскочил как безумный и кинулся в дверь, а за дверью
Марья-царевна стоит уж и ждет. У крыльца же
Конь вороной с нетерпенья, оседланный, взнузданный
пляшет.

Нечего медлить: поехал Иван-царевич с своею
Марьей-царевной: едут да едут, и вот приезжают
В царство царя Берендея они. И царь и царица
Приняли их с весельем таким, что такого веселья
Видом не видано, слухом не слыхано. Долго не стали
Думать, честным пирком да за свадебку; съехались гости,
Свадьбу сыграли; я там был, там мед я и пиво
Пил; по усам текло, да в рот не попало; и все тут.

А.С. Пушкин

Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
«Кабы я была царица, —
Говорит одна девица, —
То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир».
«Кабы я была царица, —
Говорит ее сестрица, —
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна».
«Кабы я была царица, —
Третья молвила сестрица, —
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря».

Только вымолвить успела,

Дверь тихонько заскрыпела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во все время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему
Полюбилася ему.
«Здравствуй, красная девица, —
Говорит он, – будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы,
Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха».

В сени вышел царь-отец.
Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.
В кухне злится повариха,

Плачет у станка ткачиха,
И завидуют оне
Государевой жене.
А царица молодая,
Дела вдаль не отлагая,
С первой ночи понесла.

В те поры война была.
Царь Салтан, с женой простясь,
На добра-коня садясь,
Ей наказывал себя
Побережь, его любя.
Между тем, как он далеко
Бьется долго и жестоко,
Наступает срок родин;
Сына бог им дал в аршин,
И царица над ребенком
Как орлица над орленком;
Шлет с письмом она гонца,
Чтоб обрадовать отца.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотят,
Перенять гонца велят;
Сами шлют гонца другого
Вот с чем от слова до слова:
«Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,

А неведому зверюшку».

Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
«Ждать царева возвращенья
Для законного решенья».

Едет с грамотой гонец,
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Обождать его велят;
Допьяна гонца поят
И в суму его пустую
Суют грамоту другую —
И привез гонец хмельной
В тот же день приказ такой:
«Царь велит своим боярам,
Времени не тратя даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод».
Делать нечего: бояре,
Потужив о государе
И царице молодой,
В спальню к ней пришли толпой.

Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслух указ,
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатали
И пустили в Окиян —
Так велел-де царь Салтан.

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.
День прошел, царица вопит...
А дитя волну торопит:
«Ты волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земли,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!»
И послушалась волна:
Тут же на берег она

Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет?
Бог неужто их покинет?
Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» – молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Мать и сын теперь на воле;
Видят холм в широком поле,
Море синее кругом,
Дуб зеленый над холмом.
Сын подумал: добрый ужин
Был бы нам, однако, нужен.
Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук,
Со креста снурок шелковый
Натянул на лук дубовый,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой заострил
И пошел на край долины
У моря искать дичины.

К морю лишь подходит он,

Вот и слышит будто стон...
Видно на́ море не тихо;
Смотрит – видит дело лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршун носится над ней;
Та бедняжка так и плещет,
Воду вокруг мутит и хлещет...
Тот уж когти распустил,
Клёв кровавый наострил...
Но как раз стрела запела,
В шею коршуна задела —
Коршун в море кровь пролил,
Лук царевич опустил;
Смотрит: коршун в море тонет
И не птичьим криком стонет,
Лебедь около плывет,
Злого коршуна клюет,
Гибель близкую торопит,
Бьет крылом и в море топит —
И царевичу потом
Молвит русским языком:
«Ты, царевич, мой спаситель,
Мой могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,
Что стрела пропала в море;
Это горе – все не горе.
Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:

Ты не лебедь ведь избавил,
Девуцу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.
Ввек тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись».

Улетела лебедь-птица,
А царевич и царица,
Целый день проведши так,
Лечь решились натошак.
Вот открыл царевич очи;
Отрясая грезы ночи
И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей.
Он скорей царицу будит;
Та как ахнет!.. «То ли будет? —
Говорит он, – вижу я:
Лебедь тешится моя».
Мать и сын идут ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:

К ним народ навстречу валит,
Хор церковный бога хвалит;
В колымагах золотых
Пышный двор встречает их;
Все их громко величают
И царевича венчают
Княжей шапкой, и главой
Возглашают над собой;
И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он
И нарекся: князь Гвидон.

Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острове
Чудо видят наяву:
Город новый златоглавый,
Пристань с крепкою заставой;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их он кормит и поит
И ответ держать велит:

«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»

Корабельщики в ответ:

«Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»

Князь им вымолвил тогда:

«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон».

Гости в путь, а князь Гвидон

С берега душой печальной
Провожает бег их дальный;
Глядь – поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.

«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!

Что ты тих, как день ненастный?

Опечалился чему?» —

Говорит она ему.

Князь печально отвечает:

«Грусть-тоска меня съедает,
Одолела молодца:
Видеть я б хотел отца».

Лебедь князю: «Вот в чем горе!

Ну, послушай: хочешь в море
Полететь за кораблем?
Будь же, князь, ты комаром».
И крылами замахала,
Воду с шумом расплескала
И обрызгала его
С головы до ног всего.
Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился,
Полетел и запищал,
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корабль – и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице;
А ткачиха с поварихой,

С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят
И в глаза ему глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нем дубок единый;
А теперь стоит на нем
Новый город со дворцом,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами,
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду;
Молвит он: «Коль жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,

Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
«Уж диковинка, ну право, —
Подмигнув другим лукаво,
Повариха говорит, —
Город у моря стоит!
Знайте, вот что не безделка:
Ель в лесу, под елью белка,
Белка песенки поет
И орешки все грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра – чистый изумруд;
Вот что чудом-то зовут».
Чуду царь Салтан дивится,
А комар-то злится, злится —
И впился комар как раз
Тетке прямо в правый глаз.
Повариха побледнела,
Обмерла и окривела.
Слуги, сватья и сестра
С криком ловят комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!..» А он в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Снова князь у моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;

Глядь – поверх текучих вод

Лебедь белая плывет.

«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!

Что ж ты тих, как день ненастный?

Опечалился чему?» —

Говорит она ему.

Князь Гвидон ей отвечает:

«Грусть-тоска меня съедает;

Чудо чудное завесть

Мне б хотелось. Где-то есть

Ель в лесу, под елью белка;

Диво, право, не безделка —

Белка песенки поет,

Да орешки все грызет,

А орешки не простые,

Всё скорлупки золотые,

Ядра – чистый изумруд;

Но, быть может, люди врут».

Князю лебедь отвечает:

«Свет о белке правду бает;

Это чудо знаю я;

Полно, князь, душа моя,

Не печалься; рада службу

Оказать тебе я в дружбу».

С ободренной душой

Князь пошел себе домой;

Лишь ступил на двор широкий —

Что ж? под елкою высокой,

Видит, белочка при всех

Золотой грызет орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладет
И с присвисточкой поет
При честном при всем народе:
Во саду ли, в огороде.

Изумился князь Гвидон.
«Ну, спасибо, – молвил он, —
Ай да лебедь – дай ей боже,
Что и мне, веселье то же».
Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом,
Караул к нему приставил
И притом дьяка заставил
Строгий счет орехам весть.
Князю прибыль, белке честь.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого:
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит

И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Всё донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок —
И лежит нам путь далек:
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидон
Шлет царю-де свой поклон».

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь – а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Молит князь: душа-де просит,
Так и тянет и уносит...
Вот опять она его
Вмиг обрызгала всего:
В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Между моря и небес

На корабль – и в щель залез.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана —
И желанная страна
Вот уж издали видна;
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с Бабарихой
Да с кривою поварихой
Около царя сидят,
Злыми жабами глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо,
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;

В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живет ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поет,
Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра – чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной —
И приставлен дьяк приказный
Строгий счет орехам весть;
Отдает ей войско честь;
Из скорлупок льют монету,
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые да под спуд;
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты;
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Если только жив я буду,

Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
Усмехнувшись исподтиха,
Говорит царю ткачиха:
«Что тут дивного? ну, вот!
Белка камушки грызет,
Мечет золото и в груды
Загребает изумруды;
Этим нас не удивишь,
Правду ль, нет ли говоришь.
В свете есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Это диво, так уж диво,
Можно молвить справедливо!»
Гости умные молчат,

Спорить с нею не хотят.
Диву царь Салтан дивится,
А Гвидон-то злится, злится...
Зажужжал он и как раз
Тетке сел на левый глаз,
И ткачиха побледнела:
«Ай!» и тут же окривела;
Все кричат: «Лови, лови,
Да дави ее, дави...
Вот ужо! постой немножко,
Погоди...» А князь в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь – поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает —
Диво б дивное хотел
Перенести я в мой удел».
«А какое ж это диво?»
«Где-то вздуется бурливо
Окиян, подымет вой,

Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор».
Князю лебедь отвечает:
«Вот что, князь, тебя смущает?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морские
Мне ведь братья все родные.
Не печалься же, ступай,
В гости братцев поджидай».

Князь пошел, забывши горе,
Сел на башню, и на море
Стал глядеть он; море вдруг
Всколыхалось вокруг,
Расплескалось в шумном беге
И оставило на бреге
Тридцать три богатыря;
В чешуе, как жар горя,
Идут витязи четами,
И, блистая сединами,
Дядька впереди идет

И ко граду их ведет.
С башни князь Гвидон сбегает,
Дорогих гостей встречает;
Второпях народ бежит;
Дядька князю говорит:
«Лебедь нас к тебе послала
И наказом наказала
Славный город твой хранить
И дозором обходить.
Мы отныне ежедневно
Вместе будем непременно
У высоких стен твоих
Выходить из вод морских,
Так увидимся мы вскоре,
А теперь пора нам в море;
Тяжек воздух нам земли».
Все потом домой ушли.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит

И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете?
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
Торговали мы булатом,
Чистым серебром и златом,
И теперь нам вышел срок;
А лежит нам путь далек,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану.
Да скажите ж: князь Гвидон
Шлет-де свой царю поклон».

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Князь опять: душа-де просит...
Так и тянет и уносит...
И опять она его
Вмиг обрызгала всего.
Тут он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и зажужжал;

Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корму – и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят —
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:

«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
Каждый день идет там диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге —
И останутся на бреге
Тридцать три богатыря,
В чешуе золотой горя,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор;
Старый дядька Черномор
С ними из моря выходит
И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить —
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А сидит там князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».

Царь Салтан дивится чуду.
«Коли жив я только буду,
Чудный остров навещу

И у князя погощу».
Повариха и ткачиха
Ни гугу – но Бабариха,
Усмехнувшись, говорит:
«Кто нас этим удивит?
Люди из моря выходят
И себе дозором бродят!
Правду ль бают, или лгут,
Дива я не вижу тут.
В свете есть такие ль дива?
Вот идет молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косою блеснит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выплывает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Молвить можно справедливо,
Это диво, так уж диво».
Гости умные молчат:
Спорить с бабой не хотят.
Чуду царь Салтан дивится —
А царевич хоть и злится,
Но жалеет он очей
Старой бабушки своей:

Он над ней жужжит, кружится —
Прямо на нос к ней садится,
Нос ужалил богатырь:
На носу вскочил волдырь.
И опять пошла тревога:
«Помогите, ради бога!
Караул! лови, лови,
Да дави его, дави...
Вот ужо! пожди немножко,
Погоди!..» А шмель в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь – поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает:
Люди женятся; гляжу,
Неженат лишь я хожу».
«А кого же на примете
Ты имеешь? – «Да на свете,
Говорят, царевна есть,
Что не можно глаз отвесть.

Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает —
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Только, полно, правда ль это?»
Князь со страхом ждет ответа.
Лебедь белая молчит
И, подумав, говорит:
«Да! такая есть девица.
Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнешь,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.